

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ РЕЧИ И
МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ РЕБЕНКА-БИЛИНГВА
(В УСЛОВИЯХ ДОМИНИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ)

Н.С. Старжинская

За последние 30-40 лет в научном мире наблюдается интенсификация исследований детского билингвизма и полилингвизма (с одновременным усвоением двух и более языков). Внимание ученых все больше привлекают возрастные особенности билингвизма и бикультурального воспитания, роль инпута при билингвальном воспитании ребенка, проблемы интерференции и смешения языков маленькими детьми, дифференциация языков детьми, когнитивное развитие детей при билингвизме, становление их металингвистических способностей, и др. (Гэншоу, Елисеева 2017, Протасова, Родина 2005, Чиршева 2012, Caldas 2006, Corder, Grosjean 1997, DeHouwer и др.). Отрадно, что в последнее время авторы не ограничиваются лишь анализом теоретических проблем раннего билингвизма, но дают практические советы родителям по оптимальному построению стратегий и выбору методов организации общения с детьми на двух языках в биэтнической либо моноэтнической семье (Barron-Hauwaert 2004, Harding, Riley 1995, Raguenaud 2009, Tokuhana-Eshinosa 2000 и др.). Книги для родителей, воспитывающих детей билингвально, позволяют им создать детям условия для максимально эффективного усвоения двух и более языков.

На современном этапе развития онтолингвистики по-прежнему актуальной является традиция изучать билингвизм собственных детей (на материале комбинаций различных языков), что, как отмечают исследователи (Чиршева), дает наиболее достоверные материалы и результаты. Приведенные ниже данные относятся к упомянутому разряду.

Ника Р., 8;5, живет в США, воспитывается в двуязычной семье, где папа говорит только на английском языке, а мама - на русском (когда они с Никой наедине), а также по-английски и по-русски в присутствии отца. В течение первого года жизни два языка усваивались ребенком почти одновременно.

Один или два раза в год Ника общается со своими русскоязычными бабушкой и дедушкой. Няня девочки – эмигрантка из Сальвадора, говорящая на английском и родном испанском языках. По-английски говорит подавляющее большинство знакомых, с которыми Нике приходится соприкасаться. С трех лет Ника посещала англоязычный детский сад, а с шести – школу. Таким образом, можно констатировать, что двуязычие в окружении ребенка является дисгармоничным, или ассиметричным – характеризуется несбалансированностью функций и сфер использования языков.

К 1 г. 3 мес. Ника произносила свыше 10 слов из так называемого языка нянь, большая часть которых относится к разряду ономотопей, характерных для русской или английской речевой культуры: *мяу* (о кошке), *муу* (о корове), *баа-баа* (об овце, барашке) и др. Некоторые звукоподражания Ника знала и произносила в двух вариантах – по-русски и по-английски: *ав-ав* и *bow-wow* (о собачке). К этому возрасту девочка говорила и многие слова, русские: *мама, nana, anna* (лампа) и др., но по большей части английские (*chicken, baby, doggy, dirty, hot; pretty! apple, stuck* и др. (особенности произношения этих слов мы здесь не воспроизводим, но они были понятны). Называла на английском и показывала части тела: *eye, ear, teeth, nose, finger, toesy*. Однако понимала названия этих же частей тела на русском языке (показывала их). Некоторые предметы называла на двух языках: *мяжик* (мячик) и *ball, bye-bye* и *пока*.

Благодаря няне, Ника понимала испанскую речь и сама употребляла в речи некоторые испанские слова, например *агва* (agua - вода), *панос* (zapatos - туфельки).

В возрасте 1 г. 3,5 мес. из США Ника приехала с мамой в Минск, где находилась около месяца. В Минске ребенок погрузился полностью в русскоязычную среду. С самого начала Ника не испытывала трудностей в понимании русской речи. Иногда уточняла сказанное взрослым. Так, на предложение: «Пойдем гулять!» переспрашивала: «Aut?».

Быстрыми темпами продолжал расти «звукоподражательный» словарь: *топ-топ, прыг-прыг, чу-чу, бу-бух* и др. Постепенно к английским словам стали

добавляться русские эквиваленты: наряду с *Doggy* стала употреблять *бака* (собака); наряду с *milka* (вместо milk) - *маако* (молоко). Начался переход от ономотопей к нормативным – русским – словам.

За три недели пребывания в Минске Ника почти полностью перешла на русский язык, используя английские слова лишь в отдельных случаях. Словарь пополнился многими русскими словами: дед, бабутю (бабушка), муха, читые (чистые – о руках), рыба, казя (об игрушечной козе), пать (спать), мата (машина) и др.

От этапа устойчивой предметной соотнесенности слова Ника начала переходить к этапу формирования сигнификативного значения. К сигнификатам этого периода можно отнести слова *мячик*, *котик*, *ляля*, *мата*, *рыба*. В этот же период в речи Ники появились двухсловные предложения типа «Дед пать» (дед спит), «Бака ам-ам» (собака кушает).

По возвращении в США, особенно с началом посещения два раза в неделю детского сада, в речи Ники постепенно стал доминировать английский язык. Усваиваемые языки начали ассоциироваться с определенными взрослыми, прежде всего - мамой и папой. На этом этапе речевого развития ребенка русские слова составляли с английскими один лексический фонд, о чем свидетельствовали проявления «гибридной» речи: «Monkey jumping дедаря» (дедаря – искаженное «на дереве»), «Come on, бух пать», «Vua (обращение к тете), вставай soon». Русский язык на протяжении последующих 11 месяцев поддерживался в основном мамой, за достаточно редким исключением других русскоговорящих взрослых.

К возрасту 2 г. 2 мес. Ника понимала русскую речь, но говорила главным образом по-английски, лишь иногда употребляя русские слова в разговоре с мамой.

В этот момент вновь произошло изменение речевой среды. Ника 2 месяца не посещала детский сад, общаясь в основном с русскоговорящими бабушкой и дедушкой. В последующие 2 месяца, продолжая общаться с русскоговорящей бабушкой, Ника вновь два раза в неделю посещала детский сад.

Развитие русской речи в этот период носило взрывной характер. Особенно быстро ребенок усваивал словарь русского языка. Однако связная речь первые 2-3 недели носила гибридный характер: *I упала; мы eating с тобой; Бабушка, give me Elmo, пожалуйста! Who пришла?* На вопрос: Ты русская или американка? - Последовал ответ: «*I am русска*» и т.п.

Гибридный характер зачастую носил и грамматический строй языка: *I am идет; I am кушает*. К английским словам Ника присоединяла русские окончания или суффиксы. Так, катаясь на качелях, потребовала: «*Не пушай* (не push-ай) *моё* (т.е. меня), *не пушай, только дедушка!*». Или: «*Не токий* (не talk-ий). *Я буду токать* (talk-ать)»; *Подвинь мне бенчик* (bench-ик); - Это что за щетка? – *Это мама меня брашила* (brush-ила).

В целом усвоение русской речи отвечало всем возрастным особенностям ребенка третьего года жизни, неоднократно описанным в литературе. Это неверное произношение, замена отдельных звуков в словах или их добавление: *Еще одна лоська* (ложка); *зибирай* (забирай), *пропробуй* (попробуй) *опять* (опять); изменение ударения в слове: *разрёзаю*; метатезис: *корвик* (коврик); *арматировать* (ремонтировать); слоговая элизия: *диялка* (одеялко), *грушка* (игрушка); *липед, сипед*, потом *слипед, вислипед* (велосипед) и т.п.

В развитии словаря иногда наблюдалась недостаточно четкая номинация предметов. Например, Ника в процессе общения постоянно называла карманчик *мешочком*, хотя слово «карманчик» как перевод английского слова pocket ей было известно. Проявлялись в речи девочки и такие явления, как расширение или сужение значения слова. Так, под словом «пикник» ею понималось только расстеленное для еды одеяло. Играя, она расстилала на кровати одеяло и говорила: *Это пикник*. Когда одеяло сползло на пол, воскликнула: *Ой, пикник упала!* В парке, когда на одеяло поставили еду, предложила: *Садись на пикник*.

Не избежала Ника и словесных замен, прежде всего паронимического характера, типа: *Мальчика укусила сова* (вместо «оса»); *Сова живет в духовке*. – В духовке?! – *Да, на дереве*. (Слово «духовка» употреблено вместо «дупло»).

Нередко словесные замены обуславливались созвучием русского слова с тем или иным английским. Например, *Хочу резиночки* (вместо изюм) - выбор слова продиктован созвучным английским *risen*. В другом случае, когда речь шла о ящерице, которую Ника наблюдала в парке, она неожиданно начала фразу: *Этот телевизор ...* - Какой телевизор? (Ника растерянно молчит.) Ребенок явно вспомнил хорошо известное ей английское *lizard*, но хотел сказать по-русски, отчего и произошла такая замена русским близкозвучающим словом.

Вместо слова «сама», употреблявшееся ранее, Ника стала использовать слово «моё»: *Не открывай (дверь)! Моё* (т.е. сама открою).

В усвоении грамматического строя русской речи наблюдались типичные «ошибки по аналогии»: *плакает* (плачет), *бегит* (бежит), *стучай!* (стучи), *я спию* (сплю), *поцелилуй* (поцелуй) меня, *я лажаясь* (ложусь), *лубу* (люблю), *взять братику* (род. п.). Особенно трудно давались изменения местоимений «мне – меня – мной». Вместо «меня» постоянно употреблялось *моё*: *Не трогай моё*. Со временем в предложениях стали встречаться обе формы: *Мама! Иди моё положи меня спать*. Вместо «со мной» Ника на протяжении всего третьего года жизни употребляла такие экзотические формы, как *с меням, с мнем*.

В словосочетаниях, обозначающих принадлежность, местоимение «моё» использовалось по отношению к существительным любого рода, числа и падежа. Так, называя части тела, перечисляла: *моё голова, моё ноги* и т.п. То же самое в фразах: *Комар укусил моё руку*.

В синтаксических конструкциях все глаголы прошедшего времени употреблялись Никой в женском роде, независимо от рода существительного: *Дедушка поехала на липеде* (велосипеде). Предлог «на» употребляла для обозначения не только места действия (*на диване, на полу*), но и направления: *Пойдем на комнату, Мама поехала на офис, Дядя полетел на самолет на бабушка Муся*, а также вместо предлога «в»: *Бабушка на дырка* (увидела бабушку в дверную щель), *На basket* (в ответ на вопрос: Где мебель из домика)?

В возрасте 2 г. 5 мес. Ника начала строить сложноподчиненные предложения: *Включи лампу, чтобы открыть; Я моё ножки на твоё ножки*

(ставит свои ноги на мои), *потому что пол грязная*. Союз «поэтому» нередко заменяет на «потому что», а союз «когда» - на «тогда»: *Элмо заболела, потому что нужно к доктору; Я тебе дам, тогда ты приедешь*.

Не всегда порядок слов в предложении соответствовал норме русского языка: *Я не еще полечила* (куклу); Мама: *Не наступи на ковер. – Я на не ступила на ковер; Я на еду конике* (я еду на конике)

Нередко можно было заметить, что на строение фразы на русском языке оказывает влияние синтаксис английского языка. Так, вопрос *Что это?* трансформировался в *Что это есть?* (по аналогии с *What is it?*).

Наблюдались в речи Ники и первые случаи словотворчества. Так, скалку она назвала *раскаталкой* (причем слово «скалка» было ей неизвестно – мама его не употребляла, но словосочетание «раскатывать тесто» знала). Однажды услышанное слово «хулиганка» (Ну ты и хулиганка!) «всплыло» через месяц в такой интерпретации: *Я халуганкая! Я халуганкая!*, т.е. превратилось в прилагательное. На предложение положить книгу на место ответила: *«Это неположительная книга»*. При поездках в бассейн приходилось пересекать переезд, снабженный шлагбаумом и светофором. В конце концов они получили такие названия: *«Это закрывательная, а это мигательная»*. Словотворчество в речи ребенка свидетельствует о том, что у него развивалось языковое чутье к русскому языку, русский язык усваивался им как родной язык.

Важно, что Ника с самого начала обсуждаемого периода проявляла металингвистические способности: осознавала двуязычное окружение, наличие английского и русского языков, различала, к кому на каком языке обращаться.

Осознание двух языков проявлялось в забавных диалогах типа: *Дедушка, дай...* - Как нужно дедушке сказать? (имелось в виду, что нужно сказать «спасибо») – *По-английски*; Ника, я не понимаю, что ты говоришь (Ника говорит по-русски, но невнятно). – *По-английску* (с важным видом). Одевается на прогулку. Ника несколько раз употребляет слово «панталюн» (влияние испаноговорящей няни). На вопрос «Что это за панталюн?» отвечает: *Панталюн – это по-русски, а по-английску – штанишки*.

Как и все дети ее возраста, сделала «открытие» по Штерну: все предметы имеют название. Постоянно задает бабушке и маме вопрос: *Что это? ... Это? ... Это?* Обращаясь к папе, Ника тоже начала: «Что ...», но тут же спохватилась: «*What is it?*» Наблюдая, как ветер захлопнул дверь гаража, сообщила сначала бабушке: *Ветер подул, и дверь закрылась*, и тут же обратилась к папе: *The wind blew and the door closed*. Когда бабушка во время кормления маленького братика назвала того поросенком за то, что он вымазался, Ника тут же «наябедничала»: «*Papa, babushka calls Arman piggy*». Приехавшая англоязычная гостья спросила у Ники: *Valery wants to drive?* Ника тут же кинулась к нему с тем же вопросом по-русски: *Валера, ты хочешь ехать за рулем?* – Я не взял права. -- *Пойди возьми своё праву*. Когда в лепете маленького брата явственно послышалось «дай-дай-дай», Ника сообщила каждой из бабушек на «их языке»: «Бабушка, Арман сказал дай-дай-дай», «*Dady, Arman says give-give-give*». Таким образом, Ника четко различала носителей русского и английского языков и обращалась к каждому из них на соответствующем языке.

На третьем году жизни Ника неплохо переводила и с английского на русский. Когда англоязычная бабушка поинтересовалась названиями животных на русском языке, девочка безошибочно переводила: *зайчик, лиса, овечка* и т.д., время от времени спрашивая у другой бабушки: «*Правильно, бабушка?*». Выяснилось, что Ника не всегда знает начальную форму русского слова, употребляя словоформу так, как привыкла слышать и употреблять в предложении. Например, *What is the Russian pool?* – *Бассейне*. (Не изменяет слово «бассейн» из словосочетания «плавать в бассейне».) Придумала шутку такого рода: имя няни *Conie* (Кони) «перевела» с русского на английский и стала за глаза называть ее тетя *Norsy*, сама же смеялась над этим прозвищем. Здесь мы видим начала языковой игры.

Однако произвольный перевод не всегда удавался, иногда девочка не могла вспомнить хорошо известные ей слова из английского языка (*bag, tree*). Бывало, называла ситуативно близкое слово: Как по-английски зонтик? –

Umbrella. - Как по-английски стол? – *Кушадь*. - Как по-английски стул? – *Chair*. - Как по-английски стакан? – *Стаканчик*. (При обоих неправильных ответах смущенно улыбалась, явно осознавая, что ответ неправильный). Возможно, у ребенка начало складываться автономное двуязычие, впрочем, этот процесс в дальнейшем (после трех лет) не получил развития в связи с ограниченной плотностью общения на русском языке

Хорошо понимая, что у всего есть русское и английское название, Ника стала спрашивать, как то или иное явление называется на другом языке. Например, папа сделал новое блюдо, она его спрашивает, как это называется? – *Dumplings*. – А как по-английски? Родители объяснили, что это по-английски, а по-русски – пельмени. Ника все повторяла эти названия, стараясь запомнить. Правда, иногда в понимании Ники проявляется наличие трех языков: английского, русского и *russion* – и она никак не соглашается с доводами, что русский и *russion* – это одно и то же.

Таким образом, параллельное усвоение двух языков с раннего возраста приводит к достаточно отчетливому осознанию их ребенком уже третьего года жизни, способствует раннему развитию металингвистических способностей.

В дальнейшем английский язык все больше вытеснял русский из круга общения. Прежде всего, это было связано с посещением с трех лет детского сада, затем подготовительного класса и начальной школы – все с английским языком обучения.

Это приводило к тому, что русский словарь у Ники почти не развивался, она забывала даже ранее известные слова. Так, когда бабушка заметила, что маленькие зверьки, живущие в норках на берегу океана, похожи на белочек, Ника «объяснила»: «*Белочки живут на дереве, а чипманки ...* (запнулась, вспоминая слово) *под грязью*». Слова «под землей в норках», известные ей ранее, не вспомнила, правда, сумела заменить их ситуативным синонимом. На вопрос «Почему ты не сняла курточку?» ответила: «*Я не запомнила* (вместо забыла) *ее снять*». Как-то, по возвращении домой, Нике показалось, что дома никого нет (дверь была заперта), на что бабушка возразила: «Машина стоит,

значит, должны быть дома». Ника предположила: «*А может быть, они на ножках (вместо пешком) пошли. Может быть, в парк?»*».

Овладение грамматическим строем русского языка у Ники ограничилось, главным образом, усвоением грамматической структуры высказывания, что происходит, по А.Н. Гвоздеву, в период до трех лет. Этот период характеризуется быстрым ростом разных типов простого и сложного предложений, в которых члены предложения получают выражение в синтаксических средствах языка. К концу периода появляются служебные слова, выражающие синтаксические отношения: местоимения, союзы (Гвоздев 1961). Следующий период, связанный с освоением морфологической системы языка, типов склонений и спряжений, когда постепенно исчезают случаи их смешения, в сущности, не был преодолен.

Так, например, затянулось усвоение рода существительных. В речи девочки часто встречались словоформы *красивая цветочка; моё пузя (живот); у меня уша болит, вот эта*. Иногда это приводило к недоразумениям типа: *Почему вы больше не играете под деревом? – Арман отрезал у нее root, мы боимся, что она может упасть. – Кто может упасть? – Деревя.*

Интересно, что в речи девочки иногда встречались случаи межъязыкового словообразования. Так, после поездки на дачу под Минском, увидев на обратном пути деревню, констатировала: «Там дачatown».

В разговоре на русском языке все чаще и в большей степени проявлялась гибридная речь. Например, о куклах: «*This friends они play with друг друг*»; о желании полежать с мамой: «*Я хочу, чтобы мама cuddle со мной*» -- Что такое cuddle? – *Cuddle means немножко полежать*.

Если вначале проявлялось влияние грамматики русского языка на построение предложения на английском: «*Я не вижу ничего*» - «*I don't see nothing*», то в дальнейшем наблюдалось только обратное влияние: «*Я вижу ничего*», «*Я слышу ничего*», «*А это чего для?*».

Любопытно, что, не смотря на это, Ника иногда делает замечания младшему брату, по поводу его русской речи (изобилующей ошибками, почти

лишенной грамматических связок в предложении): *Мама сказала, а папа сказал* (подчеркивает голосом окончания слов). На его отказ от блюда (*Я этот не люблю*), замечает: *«Нужно говорить не люблю»* (хотя сама до трех лет использовала именно эту форму слова). Коррекция высказываний другого свидетельствует о наличии металингвистической деятельности, в основе которой лежит чувство русского языка, появившееся в раннем возрасте.

К шестилетнему возрасту Ника достаточно бегло читала по-английски и пристрастилась к чтению англоязычных детских книг. Она по-прежнему любила слушать сказки и рассказы на русском языке (чтение перед сном – устоявшаяся традиция в семье), однако не стремилась овладеть чтением на русском. В то же время с удовольствием играла в так называемые интеллектуальные игры на русском («И я», «Гуси летят», «Краски» и т.п.). В играх, требующих распределения ролей (например, «жмурящегося» в игре в прятки), использовала знакомые русскоязычные считалки («Плыл по морю чемодан ...» и др.).

Тем не менее, несбалансированность инпута привела к утрате коммуникативной активности на русском языке. Все большую роль в развитии билингвизма стал играть функциональный фактор. Русский язык выступает для Ники, прежде всего, средством общения с близкими русскоязычными родственниками, иногда – другими знакомыми, используется как способ, с помощью которого можно узнать что-то новое (от этих людей), иногда - как приятная игра. Однако, поскольку русский язык выходит из употребления ребенка на достаточно длительное время (3-4 месяца, на протяжении которых лишь мама время от времени пользуется родным языком общения с ним), билингвизм Ники все более приобретает черты «дремлющего» (Crosjean 1997).

Подтверждается известная истина: если язык, изученный в детстве, не будет закрепляться в школе, он сыграет свою роль только как развивающее средство, но не как предмет изучения (Протасова, Родина, 2005).

Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. - М., 1961.

Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Многоязычие в детском возрасте. – М., 2005.

Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. - М., 2000.

Гэншоу И., Елисеева М. Б. Гибридность речи как следствие полилингвального воспитания русских детей в Люксембурге // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 5 (800). С. 121 – 128.

Чиршева Г. Н. Межъязыковые инновации в речи американских русских детей // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 50-54.

Barron-Hauwaert S. Language Strategies for bilingual family: The one-parent-one-language approach. 2004.

DeHouwer A. Bilingual Language Acquisition // The handbook of child language / Eds. P. Fletcher, B. MacWinney. Oxford, 1995. P. 219 – 250/

Caldas S. J. Raising bilingual-biliterate children in monolingual cultures. Clevedon, 2006.

Corder S. P. Error Analysis and Interlanguage. <https://ru.scribd.com/doc/48273630/Error-Analysis-and-Inter-Language-by-S-P-Corder>.

Crosjean F. Individual bilingualism // Applied Linguistic Studies in Central Europa. 1997. Vol, 1. P, 103 – 113.

Harding E., Riley P. The bilingual family: A handbook for parents. Cambridge. 1995.

Raguenaud V. Bilingual by Choice: Raising Kids in Two (or More!) Languages. Nicholas Brealey America. 2009.

Tokuhana-Eshinosa T. Raising Multilingual Children: Foreign Language Acquisition and Children. 2000.